

Киндер, кюхе, канцлер... –

Женщины, которые оказали решающее влияние на историю ФРГ

Ирма Хильдебрант (1935–2011), автор книги «Ударения расставляют женщины. Личности, которые оказали решающее влияние на историю ФРГ» (*Irma Hildebrandt. Frauen setzen Akzente. Prägende Gestalten der Bundesrepublik. Diederichs Verlag 2009*), – уроженка Швейцарии, училась в университетах Швейцарии и Германии. Ее перу принадлежат поэтические сборники, эссе, рассказы, радиопьесы, но особой популярностью пользуются циклы портретов женщин, оставивших яркий след в истории. Книги Хильдебрант переводились на французский, английский, испанский и японский. Выход в свет упомянутого последнего сборника женских портретов был приурочен к пятидесятой годовщине основания ФРГ. В фашистской Германии женщина была лишена пассивного избирательного права, ее роль в обществе сводилась к пресловутым трем «К». Равноправие, провозглашенное конституцией 1949 года, оставалось на деле весьма относительным. В годы правления канцлера Аденауэра (1949–1963) общественная политика была нацелена на сохранение традиционной буржуазной модели многодетной семьи, привязывающей женщину к домашнему очагу. В стране практически не было детских садов или групп продленного дня, поскольку воспитание детей считалось задачей семьи, а не государства – отчасти во избежание повторения нацистского опыта социализации подрастающего поколения. До 1954 года замужние женщины не имели права занимать общественные должности. Между тем, именно женщина, как водится, вынесла на своих плечах главные тяготы послевоенной разрухи. Женские руки разбирали развалины и кормили детей в отсутствие мужей, погибших на фронте или находившихся в плену. Бурные шестидесятые взорвали привычный общественный уклад в Европе, к концу 60-х движение за женскую эмансипацию отделилось от студенческого и превратилось в самостоятельное социальное движение с разнообразными феминистскими ответвлениями. Философ, поэтесса, богослов и актриса, террористка, женщины-политики, феминистка и лауреат нобелевской премии – в их биографиях отразились все вехи развития

Ил. 1. Ирма Хильденбрант
«Ударения расставляют женщины.
Личности, которые оказали
решающее влияние
на историю ФРГ»

страны от преодоления нацистского прошлого и эксцессов бунтарских шестидесятых до объединения Германии, символически увенчанного фигурой женщины у руля государственного управления.

Книга Ирмы Хильдебрант предлагается в сокращенном свободном изложении.

Ханна Аренд

Ил. 2. Ханна Аренд
(*Hannah Arendt, 1906–1975*)

Ханна Аренд получила в 1951 г. американское гражданство, однако почти через полтора десятилетия признавалась немецкому интервьюеру Иоахиму Фесту, насколько глубоко и непоправимо она принадлежит Германии: «По образу мыслей и суждений я по-прежнему родом из Кенигсберга». Американка она только «всем политическим сердцем». Город Канта наложил на нее пожизненную печать.

В Кенигсберге прошло детство. Отец, инженер, реформированный еврей, интересовавшийся социалистическими теориями, умер, когда Ханне было семь лет. Мать придавала большое значение воспитанию и образованию рано повзрослевшей дочери, которая в пятнадцать лет читала «Критику чистого разума».

Отчисленная из гимназии за подстрекательство к бойкоту нелюбимого учителя, девушка подготовилась к сдаче гимназического курса экстерном на год раньше бывших соучениц.

В Марбургском университете несовершеннолетняя студентка изучает евангельскую теологию и философию. Мартин Хайдеггер, молодой провозвестник экзистенциального учения, настолько поражает ее воображение, что она отвечает на его любовные признания, не смущаясь тем, что наставник вдвое старше, женат и имеет детей.

Их тайная связь обставлена всеми атрибутами шпионского романа. Хайдеггер не готов оставить семью и предлагает ей перебраться во Фрейбург, а впоследствии защитить диссертацию у его друга Ясперса в Гейдельберге.

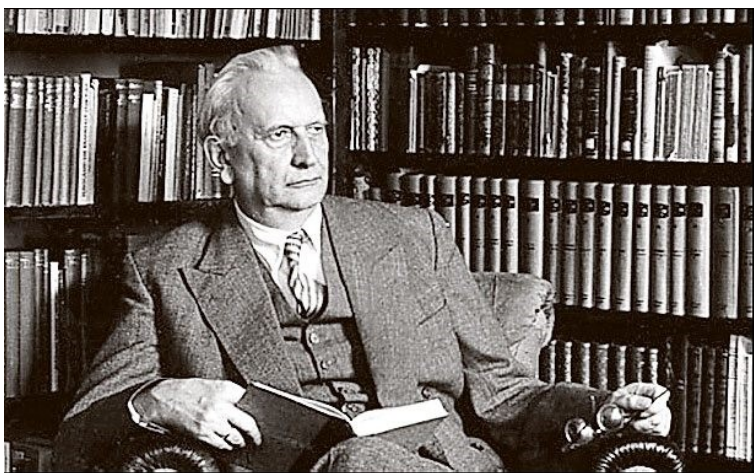
Ил. 3.

Он абсолютно – и не напрасно – уверен, что Ханна вернется, как только он ее позовет. Более двух десятилетий спустя он скажет ей в присутствии ревнивой жены, что она была его единственной любовью и источником вдохновения.

Отношения с Карлом Ясперсом складываются прекрасно.

Однако тема диссертации – «Понятие любви у Августина» – выглядит весьма необычно для еврейской девушки, занимающейся богословием евангелизма и читающей Маркса и Троцкого. Ханну Аренд всегда отличало своеволие и нежелание укладываться в определенные рамки. Ее мышление и стиль изложения явно отмечены влиянием Хайдеггера. Впоследствии, в упомянутых интервью с Иоахимом Фестом, она объяснит, что по-прежнему означает для нее Хайдеггер: он научил ее видеть и понимать мир и себя самое, «пробудил к жизни во всех смыслах». «Кем и чем я являюсь, было определено Хайдеггером, ему я обязана всем», – говорит она и, помолчав, добавляет: «И он же все испортил». Арендт не уточнила, имеет ли она в виду его связь с нацистским режимом.

В Гейдельберге она знакомится с идеологией сионизма; ее друг Гюнтер Штерн, публицист социалистического толка, пишущий под псевдонимом Гюнтер Андерс, пробуждает в ней интерес к политике. Она пишет статьи для «Франкфуртер цайтунг» и посещает лекции богослова Пауля Тиллиха и социолога Карла Маннгейма. Переехав со Штерном в Берлин, заключает с ним официальный брак. Вплоть до ее ареста в 1933 г. их жилище служит убежищем для подвергающихся преследованиям коммунистов. Исследование «Рахиль Фарнгаген. История

Ил. 5. Карл Теодор Ясперс (1883–1969).

Martin Heidegger

*Ил. 4. Мартин Хайдеггер
(1889 - 1976)*

жизни немецкой еврейки эпохи романтизма», над которым она работает, во многом читается как автобиография. Тема «ассимиляция или отщепенство» проходит через него красной нитью; Аренд, подобно своей героине, ощущает себя парией в обществе.

За статьи о бытовом антисемитизме ее арестовывает гестапо. Чудом оказавшись на свободе, она немедленно

уезжает во Францию, где ее ждет знакомство с Брехтом и Арнольдом Цвейгом, дружба с

Вальтером Бенямином, новое замужество. Доцент философии Генрих Блюхер, бывший член союза «Спартак», разочаровавшийся в коммунистических теориях, станет для нее надежным и понимающим спутником на три десятилетия жизни. В 1937 г. ее лишают немецкого гражданства, а в 1940-м, когда немцы вступают на север Франции, ей с мужем удается бежать в Испанию и Португалию, где они наконец получают американскую визу.

В Нью-Йорке Ханна пишет книгу, которая сделает ее знаменитой: «Элементы и истоки тотального господства». Она исследует условия возникновения антисемитизма и связывает их с господством тоталитарных систем – нацизма, фашизма и сталинизма. Вышедшая в ФРГ в 1955 г., эта работа не породила здесь, в отличие от Америки, бурных общественных дискуссий: тема массового истребления людей для немцев во многом еще оставалась запретной. Гораздо больший резонанс вызвала книга «Эйхман в Иерусалиме. Отчет о банальности зла». Ведь в глазах немцев Эйхман был форменным чудовищем, на которое можно было возложить ответственность за преступления, освобождаясь от чувства собственной вины. Присутствуя в 1961 г. на процессе Адольфа Эйхмана в качестве корреспондента журнала «Нью-Йоркер», Арендт увидела вместо brutальной bestии и злобного антисемита корректного и неприметного маленького бухгалтера, у которого не было иных мотивов для убийств, «кроме из ряда вон выходящего усердия во всем, что могло способствовать его продвижению по служебной лестнице». Книга возмутила еврейские круги в США не столько тезисом о банальности зла, как констатациями автора о негативной роли еврейских старост в лагерях и гетто. Упреки в «осквернении собственного гнезда» глубоко задевали Ханну Арендт.

Между тем автора приглашают для выступлений в разных уголках страны. Одна из тем ее лекций гласит: «Личная ответственность в условиях диктатуры». Арендт отвергает понятие коллективной вины: «Где виноваты все, не виноват никто». Она разделяет опасения Ясперса по поводу возрождения национализма в Германии. В целом же ее критический взгляд извне на Федеративную республику оказывается конструктивным. Ее интенсивное участие в общественно-политической жизни страны сопровождаются почетными премиями и чествованиями.

В 1969 г. она прибывает в Германию и Швейцарию, чтобы проводить в последний путь старшего друга, который неизменно поддерживал ее в трудных ситуациях. На панихиде в Базельском университете, последнем месте работы Карла Ясперса, она говорит об учителе, в котором видела достойного наследника Канта: «Порой среди нас является тот, кто образцово осуществил предназначение человека и воплощает в себе нечто, известное нам обыкновенно как понятие или идеал». Девизом к жизни самой Ханны Арендт могло бы стать название ее книги, завершённой еще в 1960 г.: «*Vita activa*, или О деятельной жизни». Этот том она предполагала дополнить другим, своим философским завещанием, которое намеревалась посвятить Хайдеггеру. Книга «О жизни духа – *vita contemplativa*» оказалась незавершённой. Ханна Арендт

умерла от инфаркта. Остались горы рукописей, материалов расследований, мемуарных записей. Многие были переданы в Вашингтонскую Библиотеку Конгресса, обширная часть наследия хранится в архиве Центра Ханны Аренд, созданного в 1999 г. в университете Ольденбурга. Существует премия имени Ханны Аренд, которая присуждается за «смелое вмешательство в общественную жизнь». Аренд не создала учения, законченной философской системы. Обладая гражданским мужеством, острым умом, критическим интеллектом, она стремилась «мыслить без перил». Ее политические убеждения одним казались слишком левыми, другим слишком правыми, третьи вообще не хотели слышать что бы то ни было от женщины, к тому же еврейки. Ее нередко сравнивали с Розой Люксембург, и ей это нравилось. Не случайно ни один немецкий университет не избрал ее почетным доктором, тогда как Америка не скупилась на подобные знаки признания, несмотря на острые комментарии Аренд по поводу войны во Вьетнаме или преследований борцов за гражданские права. Для послевоенной Германии, которая находилась в поиске собственной идентичности, мысли Аренд были равнозначны вскрытию заскорузлых ран – болезненному, но необходимому.

Хильда Домин

*Ил. 6. Хильда Домин
(Hilde Domin, 1909–2006)*

Она вернулась на родину из двадцатидвухлетней эмиграции. Вернулась навсегда, потому что немецкий язык «оказался тем, что невозможно утратить, после того как все остальное было утрачено. Последним, неотъемлемым домом». Она вернулась туда, где прошло безоблачное детство Хильды Левенштейн. Заботливая мать, потакавшая капризам своевольной дочери, всепонимающий отец, о котором она скажет, что он «не отбрасывал темной тени». Гейдельбергский университет, где она изучает экономику, философию и социологию. Отец, вернувшийся с Первой мировой с железным крестом за боевые заслуги, был адвокатом и горячим приверженцем Веймарской республики. Подобно многим другим евреям с его биографией, он не верил в опасность зарождающегося нацизма – в отличие от политически чуткой дочери, которая прочла «Майн кампф» и заставила родителей уехать в Англию. Она и сама спешит скрыться за границей и еще в 1932 г. отправляется в Италию с будущим мужем, археологом и историком искусства Эрвином Вальтером Пальмом. Во Флоренции она завершает университетский курс и защищает диплом на итальянском. Хильда с легкостью овладевает

иностранными языками, причем погружается в новую языковую стихию прежде всего через ее поэтическое слово. Везде, куда их забросит судьба, она будет активно работать, занимаясь преподавательской деятельностью и одновременно выполняя функции секретаря и редактора для мужа.

После заключения военного союза между Гитлером и Муссолини в 1938 г. из Италии приходится бежать. Осеть удается в только Доминиканской республике, где диктатор Трухильо озабочен повышением процента белого населения. Жить поначалу приходится поистине в спартанских условиях. Известие о смерти матери в 1951 г. производит в Хильде подлинный переворот. Она начинает писать стихи. На свет рождается Хильда Домин.

Ко времени своего первого визита в Германию в 1954 г. Хильда Домин была уже состоявшимся поэтом и печаталась в немецких журналах. Первый лирический сборник вышел в 1959 году. Ее большой темой стали опыт изгнания и тернистая дорога к обретению родного крова. Ее образы безыскусны, точны, открыты для понимания. Стихотворение она считает кратчайшим путем от человека к человеку. Популярность поэтессы, которая окончательно вернулась в Германию в 1961 г., растет. Она неустанно ездит по стране, выступая в книжных магазинах, культурных центрах, школах, университетах, даже в тюрьмах. Ее охотно слушает подрастающее поколение, которому она рассказывает о табуизированном недавнем прошлом. Зимой 1987–1988 года Хильда Домин читает во Франкфурте получившие широкий резонанс лекции о поэтическом искусстве, которые посещает и комментирует философ Ганс Георг Гадамер. Цикл открывается введением в послевоенную немецкую лирику, существующую вопреки утверждению Адорно, что после Освенцима невозможно писать стихи. Для Домин поэтическое слово есть способ внутреннего освобождения и источник надежды. Изданная ею антология «Двойная интерпретация», на страницах которой каждое стихотворение комментирует автор и литературовед, стало хрестоматийным в школьной программе. В «Открытом письме» к нобелевской лауреатке Нелли Сакс она писала: «Нет, я не верю, что поэт может изменить мир. Он меняет отдельных людей. И того уже достаточно. Эти отдельные люди потом изменяют мир. Быть может...».

Творческий путь Хильды Домин был отмечен многочисленными премиями, в том числе государственной премией Доминиканской республики. Последний сборник 90-летней поэтессы имеет характерное заглавие «И все же дерево цветет». Их общее с супругом надгробие она сама снабдила эпитафией: «Я ступила на воздух / и он удержал меня».

Лора Лоренц

*Ил. 7. Лора Лоренц
(Lore Lorentz, 1920–1994)*

Ее называли гранд-дамой немецкого кабаре, несравненной прима-балериной политической сатиры. Из предшественниц она могла бы сослаться разве что на Эрику Манн и Терезу Гизе, эмигрировавших в 1933 г. в Швейцарию вместе с их знаменитой «Перечницей». Славные традиции немецкого кабаре создавались мужчинами: для него писали Тухольский и Ведекинд, Рингельнац и Кестнер; берлинские «Катакомбы» Вернера Финка были запрещены в 1933 г. за антинацистские выступления. Еще в конце XIX века центрами литературно-политического кабаре стали Берлин и Мюнхен, причем Берлин склонялся к политике, а баварская столица к литературе. Когда в

Дюссельдорфе появилось в 1947 г. никому не ведомое «Kom(m)ödchen» (*название, в котором соединились «комедия» и «комодик», найденный на свалке и служивший предметом мебелировки*), никто не мог предположить, что оно, вопреки будущей конкуренции, продержится до наших дней.

Лора Ширмер родилась в Моравской Острове, изучала историю, философию и германистику в Вене и Берлине, слушала лекции о публицистике, посещала актерские курсы; в 1945 г. вышла замуж за ровесника, ориенталиста Кая Лоренца, успевшего получить ранение на фронте. С обозом беженцев супруги перебрались из Моравии в разгромленный Берлин, а оттуда в Дюссельдорф, где их старый приятель задумал организовать кабаре. Найти уцелевшее бесхозное помещение, отремонтировать и обставить его, когда за краску и цемент отдавали на черном рынке последнее, могли только нищие энтузиасты. Безработных музыкантов, певцов, художников и журналистов было пруд пруди, но чем им платить? Тем не менее театрик открылся. Хотя входные билеты были принципиально дешевы, его целевой аудиторией с самого начала

Ил. 8.

считались не только бедные студенты, но и «более изысканная» публика вплоть до представителей чиновных, деловых и финансовых кругов, нуворишей, возникавших на волне «экономического чуда», которым приходилось слушать, как артисты клеймят ограниченность, высокомерие, приспособленчество, ложь, коррупцию, злоупотребление властью. Кабаре быстро приобрело известность не только в стране, но и за рубежом, оно гастролировало в Цюрихе, Лондоне, в Голландии и США.

Ил. 9. Кай и Лора Лоренц.

Лора была душой и сердцем театра. Пресса называла ее то Кассандрой, то мастером мягкой иронии, что может свидетельствовать о ее диапазоне. Не ограничиваясь рамками кабаре, мать четверых детей выступала в «Трехгрошовой опере» на подмостках Дюссельдорфского драматического театра и в оперетте «Орфей а аду» на сцене Немецкой Оперы, вела популярные радиопередачи, преподавала шансон и мюзикл в эссенской Школе Фолькванга (высшая школа музыки, театра и танца). Среди ее многочисленных почетных наград мог быть и Крест за заслуги перед ФРГ, если бы она и ее муж не отвергли его в знак протеста против политики Большой коалиции Кизингера.

Промышленник Хенкель однажды пошутил, что Дюссельдорф располагает двумя экспортными статьями, которые обеспечивают чистоту ФРГ: Лорой Лоренц и «Персиллом». Излюбленными объектами сатиры служили для нее в свое время канцлер Аденауэр и Франц-Йозеф

Штраус, пытавшийся в судебном порядке запретить телепередачи с участием кабаре Лоренцев. В дуэли с Гансом-Кристофом Зеебомом, воинствующим функционером землячества судетских немцев, ее поддерживали даже те простые судетские беженцы, истинным представителем которых была для них Лора. Правые радикалы организовывали кампании травли Лоренцев в печати, присылали по почте ядовитый порошок и анонимные письма с угрозами убить детей. И лишь в атмосфере шестидесятых левоцентристская позиция Лоренцев стала казаться молодым бунтарям слишком «буржуазной», хотя недостатка в зрителях театр по-прежнему не испытывал.

Лора ушла из ансамбля в 1983 году. После смерти Лоренцев кабаре возглавил их сын. Площадь перед театром носит имя Кая и Лоры Лоренц.

Хильдегард Хамм-Брюхер

*Ил. 10. Хильдегард Хамм-Брюхер
(Hildegard Hamm-Brücher, 1921)*

Более полувека «гранд-дама» послевоенной западногерманской политики участвовала в ее формировании в качестве представителя либерального крыла, будучи нередко единственной женщиной в мужском окружении. Ее принципиальность вызывала уважение у политических противников, тогда как внутри ее собственной партии, СвДП, она зачастую приводила к жестким контрверзам. Слишком сильную партийно-государственную структуру при слабости гражданского общества она считает причиной политической усталости народа. Всевластие партий и их взаимовыгодных коалиций можно преодолеть только путем организации гражданских инициатив, которые обладали бы законодательно закрепленным правом парламентского представления петиций. Определяющее влияние на ее политические принципы оказал Гельмут Шмидт, всегда имевший определенное, не зависящее от благосклонности избирателей мнение, а истинным идеалом либерального образа мыслей и человечности навсегда остался для нее первый федеральный президент и один из организаторов СвДП Теодор Хейс, который оказался ее крестным отцом в политике.

С Хейсом она познакомилась еще в 1946 г., когда на дребезжащем велосипеде колесила по американской зоне оккупации в качестве корреспондента мюнхенской «Нойе цайтунг». Малоподходящая работа для дипломированного химика, зато у нее был потрясающий шеф – писатель Эрих Кестнер, под руководством которого она прошла школу публицистики. Политическая деятельность Хильдегард Брюхер началась после ее вступления в СвДП и избрания самой молодой представительницы партии (женщины!) в городской совет Мюнхена. Слова «свобода» и «демократия» зачаровывали Хильдегард. Годичная стажировка в Гарварде на американской стипендии укрепила ее убеждения. Член парламента Баварии (в течение 22 лет), госсекретарь министерства культуры земли Гессен, госсекретарь федерального министерства образования и науки, госминистр ведомства иностранных дел, возглавляемого Геншером, и член бундестага с 1976 по 1990 год – таковы основные этапы ее политической карьеры. Ряды СвДП она покинула в 2002 г. в знак протеста против роста в них правопопулистских и юдофобских тенденций. Чувствительность к проявлениям антисемитизма имеет у нее личные корни.

Ее родословную нельзя считать «чисто арийской», о чем девочка из евангельско-христианской семьи, другом которой был пастор Нимеллер, до некоторых пор не догадывалась.

Родители рано умерли, и пятерых детей воспитывала бабушка, принадлежавшая к слою промышленной буржуазии. Проблемы начались в гимназии, потом «полукровку» не желали видеть среди благородных воспитанниц дорогого интерната. Зато ее научный руководитель в Мюнхенском университете, нобелевский лауреат в области химии Генрих Виланд, антифашист, которого гестапо терпело ввиду его мировой репутации и экономической ценности его исследований, дал способной студентке с аналитическим мышлением возможность защитить диплом. В университете Хильдегард входила в круг друзей «Белой розы», но не решилась на активное сопротивление, когда гестапо арестовало Ганса и Софи Шолль, и воспоминания об этом до сих пор вызывают у нее боль.

Проблемы демократии, женской эмансипации, в том числе политической, школьного воспитания и общедоступного образования («Образование не роскошь» озаглавлена одна из ее работ) всегда оставались приоритетными в деятельности Хильдегерд Хамм-Брюхер. Она вырастила двоих детей в гармоничном браке с ныне покойным мужем, за которым сама ухаживала в его последние годы, когда тот страдал тяжелым психическим заболеванием. Пикантность их союза заключалась в том, что коммунальный политик и юрист Эрвин Хамм принадлежал к стану политических противников Хильдегард: он был членом ХСС. Либерализм и толерантность поистине творят чудеса.

Доротея Зеле

*Ил. 11. Доротея Зеле
(Dorothee Sölle, 1929–2003)*

В ее жизни слились дух бунтарства и созерцательность мистицизма. Совмещение противоположностей не имело ничего общего с сектантством. Она нажила себе немало врагов в стенах официальной церкви, но гораздо больше друзей по всему свету. Ее слушали и читали верующие и неверующие. Тот, кто непростым путем сомнений и поисков пришел к критическому приятию веры, считала она, должен бороться за развитие новых форм религии. Будучи протестантским, евангельским богословом, она видела эти формы и за пределами западного христианства. Однако европейцам ближе свой образец: «отлитый в застывшую расхожую форму, но совершенно неведомый Учитель – Христос». Воплощение Бога в человека – не завершившийся по смерти Христа, а вечно длящийся процесс. Отделение потустороннего Бога от «земной» любви ложно, «нет иной трансценденции, кроме любви», – писала Зеле в книге с

провоцирующим названием «Атеистическая вера в Бога». Почитательница великого мистика Средневековья Мастера Экхарда, она была миссионером, всегда готовым пройти вместе с ближним хотя бы часть пути в Неведомое, в приключение, именуемое «верой».

Вовлеченность Доротеи Зелле в теологию освобождения не в последнюю очередь связана с ее поездками в Латинскую Америку, где ее дочь участвовала в программе медицинского обслуживания населения. Там она узнала, что означают для простого народа имена Эрнесто Карденала, Леонардо Боффа или Оскара Ромеро. Римский престол, солидаризировавшийся с кровавыми диктаторами, видел в этих борцах за свободу, представлявших «церковь снизу», не мучеников, а скорее красных бунтовщиков. В соавторстве со вторым мужем, бывшим монахом-бенедиктинцем, она написала книгу «Не только «да» и «аминь»: О христианах Сопротивления» – проникновенное свидетельство против подавления и злоупотреблений властью. Совместно с южноамериканской «Группо саль» выпустила особенно дорогой ее сердцу компакт-диск, где звучание народных инструментов перемежается ее стихами – «теопоззией», мыслями о насилии и ненасильственном сопротивлении, критикой несправедливых общественных порядков и завершается письмом к четверым ее детям – одновременно исповедью и завещанием радикальной христианки.

Маленькой и хрупкой Доротее Ниппердей с раннего детства приходилось проявлять изобретательность, чтобы противостоять авторитарному нажиму трех старших братьев. Ей больше всего хотелось быть большой и сильной, чтобы «сражаться за Германию». Трезвый скепсис интеллигентной семьи проигрывал в ее глазах очарованию национального мифа. Что отец «еврей на четвертушку», в доме поминать избегали. В конце войны дом сгорел вместе с германским величием, однако 16-летнюю девушку возмущает процесс денацификации и политические поучения победителей. Она пишет первое в своей жизни письмо протеста. Ни Хайдеггер, ни Сартр не могут помочь ей «осознать немецкую катастрофу как освобождение». Доротея переживала не только крушение Рейха, но и всего мира немецкого бюргерства. От филологии и философии в поисках истины, выхода из нигилистического тупика, она обращается к теологии, защищает литературоведческий диплом в Геттингене, выходит замуж за художника Дитриха Зелле, преподает, пишет в журналы и для радио. Когда социал-демократы голосуют за вооружение Германии, она переживает шок. Ее час пробил. Расставшаяся с мужем мать-одиночка с тремя детьми на руках с головой погружается в политику.

Участвуя в пасхальных маршах, она знакомилась с группами христианского сопротивления. В 1968 г., на пике студенческих волнений и войны во Вьетнаме, вместе с

друзьями, протестантами и католиками, она инициирует экуменические ночные моления. Церковь, считает она, не имеет права уходить от жгучих общественно-политических проблем. В ее стенах должно обсуждаться все, что тревожит людей, будь то Вьетнам, дискриминация женщин, авторитарные церковные структуры, отношения с ГДР или тюремная система. Кельнский кардинал Фрингс немедленно закрыл двери католических соборов для политических диспутов. Инициативу Зелле пылко поддержал Генрих Белль. Церкви обеих вероисповеданий включились в кампанию травли: нажим на СМИ, репрессии против сочувствующих священнослужителей, порой телефонный террор. Те же протестантские пасторы, которые пошли навстречу организаторам ночных молений, были изумлены: скамьи заполнялись задолго до начала. Люди приезжали издалека, в других городах стали стихийно возникать новые группы энтузиастов. Помещения переполнены, как во время пасхальных служб: старики и молодежь, верующие и ищущие веры, мужчины и женщины. Очень много женщин, особенно молодых, которые считали себя представительницами феминистской теологии, были знакомы с работами Зелле по теологии освобождения и экофеминизму.

Второе замужество, рождение четвертого ребенка и работа над докторской диссертацией совпали по времени с активным участием в движении в защиту мира, против ядерной опасности. Диалог между христианами и марксистами, который резко оборвался в 1968 г. после ввода советских войск в Чехословакию, переместился в Латинскую Америку. На опасения, что христиане оказались марионетками в руках коммунистов, Зелле отвечала: наоборот, это христиане используют те приемлемые инструменты освобождения, которые дает им теория марксизма.

В 1975 г. Доротее Зелле предложили кафедру систематического богословия в Унионистской теологической семинарии в Нью-Йорке. Америка, где она проработала 12 лет, развеяла ее снобистские предрассудки. Ей импонировали доброжелательность, открытость, любознательность, прагматизм студентов, а пацифистское движение в стране, где политический радикализм вырос и зачастую неотъемлем от христианства, оказалось для нее родной стихией. Почетный доктор нескольких зарубежных вузов, профессор с многолетним стажем, Доротея Зелле так и не получила кафедру на родине: женщина, не признающая чиновных авторитетов и застывших норм, сочувствующая «низовой церкви», пацифистка, феминистка, да еще опасный конкурент – автор бестселлеров, тиражи которых не снились ни одному немецкому богослову.

Доротея Зелле умерла так, как ей хотелось: в трудах. Второй инфаркт настиг ее во время конференции, где она успела сделать доклад на тему «Бог и счастье».

Ульрика Майнхоф

*Ил. 12. Ульрика Майнхоф
(Ulrike Meinhof, 1934–1976)*

В 1998 г. на экраны ФРГ вышел фильм «Синдром Баадера-Майнхоф», посвященный самому кровавому десятилетию из истории существования террористической организации RAF (Rote Armee Fraktion, Красноармейская фракция, в которой сменилось три поколения боевиков, окончательно распалась лишь в 1998 г.). Подростки восприняли его как увлекательный политический триллер с убийствами, поджогами, погонями и виртуозно стреляющими девицами; в памяти людей старшего поколения он еще раз вызвал оставшиеся за кадром вопросы, которые волновали их тридцать лет назад, и прежде всего, как могло случиться, что юноши и

девушки из добропорядочных бюргерских семей – Гудрун Энслин, например, была дочерью пастора, – стали хладнокровными убийцами. Акции RAF, направленные против представителей западногерманского истеблишмента, вызвали волну острой критики правоохранительной и исправительной системы, действия которой одним казались слишком вялыми, другим – слишком жесткими.

Те, кто знал Ульрику Майнхоф подростком со скрипкой, отмечают ее чуткость, отзывчивость и обостренное чувство справедливости. Родители воспитывали ее в духе христианских норм и ценностей. Отец, историк искусства, рано умер от рака; мать, ушла из жизни, когда Ульрике было 14 лет, и они с сестрой остались на попечении близкой подруги матери Ренаты Римек, историка и педагога. Студентку Майнхоф, посещающую семинары по педагогике, философии, социологии и германистике, больше всего волнует вопрос, почему ее родители не выступили активно против Гитлера. От морально-этической плоскости она все больше склоняется к политической, где действует Римек, активная участница кампаний против ядерных вооружений и соосновательница Немецкого союза в защиту мира. Майнхоф, член Социалистического студенческого союза, бойким пером пишет статьи в левые студенческие издания и считается профессиональным организатором сбора подписей и демонстраций. На митинг протеста против размещения ракет среднего радиуса действия с ядерными боеголовками ей удается собрать более тысячи демонстрантов в консервативном Мюнстере. В 1958 г. она вступает в запрещенную компартию Германии, в 1960 г. становится главным редактором финансируемого из ГДР журнала «Konkret», вскоре выходит замуж за издателя журнала Клауса

Райнера Реля и производит на свет девочек-близнецов. Она ведет в журнале колонку, посвященную актуальным темам: холодная война, антикоммунизм, новые карьеры приспособившихся нацистов, Вьетнам... Углубляющиеся идейные разногласия с мужем и его романтические похождения приводят к разрыву.

Освещая процесс о поджоге в 1968 г. двух франкфуртских универмагов в знак протеста против «геноцида во Вьетнаме», Майнхоф знакомится с двумя главными обвиняемыми – Андреасом Баадером и Гудрун Энслин. На нее произвела впечатление непреклонная готовность Баадера вести войну с капитализмом и империализмом. Поджогов она еще не одобряет, однако считает вместе с коммунарком Фрицем Тойфелем, что «лучше поджигать универмаги, чем

Ил. 13.

владеть ими». После убийства правыми радикалами ее единомышленника, студента Руди Дучке, она помещает в «konkret» комментарий, в котором отвергает узаконенные правила игры с государственной властью. Статья заканчивается фразой: «Шутки в сторону».

В мае 1970 г. Майнхоф участвует в спланированной ею вооруженной акции по освобождению Баадера. Этот день, 14 мая, станет днем основания RAF.

Позже она заявит в интервью: «Мы говорим, что этот тип в униформе свинья, а не человек... То есть с ним не надо пускаться в переговоры, с подобными людьми говорить вообще не имеет смысла. И конечно же, можно стрелять». Замечает ли она, что пользуется логикой нацистов?

Скрывшись за границей, группа «освободителей» проходит школу в лагере палестинских повстанцев; по возвращении в ФРГ начинает применять приобретенные навыки на практике. Ульрика Майнхоф участвовала в неоднократных ограблениях банков и нападениях с применением взрывчатых средств – во Франкфурте, Аугсбурге, Карлсруэ, на издательство Шпрингера в Гамбурге и на штаб-квартиру США в Гейдельберге. По стране расплзается страх. Лишь в июне 1972 г. полиции удастся арестовать Баадера и членов основного ядра RAF Хольгера Майнса и Яна-Карла Распэ, а чуть позже и Ульрику Майнхоф. Преступники содержатся в тюрьме особого режима. В письме, которое Ульрике удастся переправить на волю, она описывает отчаянное состояние заключенной в одиночной камере, которая чувствует себя так, «будто с нее содрали кожу». В результате предварительного судебного процесса два с половиной года спустя после ареста Майнхоф приговаривают к восьми годам лишения свободы. Теперь она содержится в общей камере, зато подвергается психологическому террору со стороны остальных членов группы за то, что не может отказаться от внешних контактов

(например, с дочерью). В 1975 г. начался нашумевший судебный процесс, во время которого обвиняемым было предъявлено, в числе прочего, обвинение в пяти убийствах и 54 покушениях на убийство. Судя по протоколам, они возмущались условиями содержания и ходом процесса. Распэ указывал на длительное одиночное заключение как основную причину очевидных психосоматических нарушений у Майнхоф. В мае 1976 г. Ульрику нашли повесившейся на окне тюремной камеры. Хотя по результатам проведенных расследований ее уход из жизни был признан добровольным, общественность продолжала гадать, кто мог быть в нем заинтересован – оставшиеся на свободе боевики RAF, родственники жертв, власти, которые не могли и не хотели терпеть терроризм... На похоронах Майнхоф собралось около 4000 сочувствующих, которые приехали в Берлин, чтобы продемонстрировать солидарность с покойной и целями RAF. Теолог-протестант Гольвицер, друг Руди Дучке и Майнхоф, не героизировал ее, когда говорил, что она была «человеком трудной жизни, сделавшим свою жизнь трудной, потому что принял близко к сердцу страдания других».

Ил. 14.

агрессивной и бесчувственной. Юрист и писатель Бернгард Шлинк, много общавшийся с бывшими террористами, отмечает, что они неизменно заявляли о стремлении не походить на

Так что же все-таки породило в одаренной студентке слепую ненависть к государству и обществу, частью которого она являлась, заставило сжечь все мосты, между собой и близкими – детьми, приемной матерью? Рената Римек считает, что стремление продемонстрировать свою солидарность с Баадером, заставившее ее взяться за оружие, было своего рода коротким замыканием, отрезавшим пути назад. Уже в 1969 г. Ульрика казалась ей подавленной и дезориентированной. Биограф Ютта Дитфурт видит в подобной неудовлетворенности жизнью целый комплекс причин, начиная от семейных неурядиц до фундаментального разочарования талантливой журналистки в действительности политической борьбы с реакционными силами. Дочь Майнхоф Беттина ссылается на утверждения отца, что в 1962 г. ее мать была прооперирована по поводу опухоли головного мозга, после чего стала

родителей, допустивших преступления Третьего рейха, и бороться от имени всех угнетенных против подавления и насилия в мире и собственной стране. При этом все они без исключений чувствовали себя жертвами, не проявляли раскаяния и сочувствия к родственникам собственных жертв. Обращая внимание на необычайно большое число женщин среди боевиков RAF, он, подобно очень многим, видит в этом некий эксцесс феминистского самоутверждения. Между тем, сами террористки заявляли, что для них, как и для их соратников-мужчин, не возникало вопроса половой принадлежности. Те и другие равно считали себя бойцами революции. После инициированного Сузанной Альбрехт убийства банкира Юргена Понто в списке шестнадцати разыскиваемых полицией значилось 11 женских имен.

Вооруженный протест перестал быть мужской «привилегией».

Рита Зюсмут

*Ил. 15. Рита Зюсмут
(Rita Süßmuth, 1937)*

Рассказывают, будто на вопрос, что осталось от шестидесятых, философ Юрген Хабермас ответил: «Рита Зюсмут». Если это и придумано, то придумано удачно.

Ее профессиональная карьера началась с шока. Специалист в области романистики и истории, социологии, педагогики и психологии, три года проработавшая научным ассистентом в вузе, претендовала на должность доцента. Она не могла и вообразить, что в середине 60-х гг. к женщине в подобном случае будут предъявлять иные требования, чем к мужчине. Доцентуру она получила, но с тех пор стала считать себя феминисткой. Еще в 1982 г. она была избрана президентом ганноверского института «Женщина и общество», который занимается соответствующими историческими и актуальными исследованиями. Спустя несколько лет канцлер Коль предложил Зюсмут возглавить министерство по делам молодежи, семьи и здравоохранения, в ведение которого вскоре вошли и проблемы женщин. Ее работа «СПИД: пути выхода из страха», затронувшая запретную тему, положила начало ожесточенным общественным дискуссиям. Ее компромиссные предложения при обсуждении параграфа об абортах («последнее решение должна принимать женщина», считала Зюсмут) вызвали критику даже со стороны канцлера, не говоря уже о представителях ее партии, ХДС. В ФРГ конца 80-х представление о том, что место женщины исключительно у домашнего очага разделяли не только консерваторы. Наличие детских садов приравнивалось к насильственной социализации,

женщин, занятых даже неполный рабочий день, клеймили презрением и называли «матерью-кукушками». За реформистские идеи Зюсмут обвиняли в подрыве семейных устоев, намекали на то, что ей не место в рядах христианских демократов, однако она не привыкла покидать поле боя. В 1988 г. она стала президентом бундестага и вопреки всем проискам политических противников и внутривнутрипартийным разногласиям оставалась на этом посту десять лет. Зюсмут ратовала за признание границы с Польшей, за введение женской квоты в ХДС, критиковала праворадикальные тенденции в собственной партии и одновременно требовала расследования преступлений органов госбезопасности бывшей ГДР. Когда неудобного политика, вечно бередившего открытые раны, на посту председателя бундестага сменил социал-демократ, руководство ХДС вздохнуло с облегчением.

Зюсмут пришла в активную политику не из любви к власти. Ее основным полем деятельности, обеспечивающим прочный тыл и питающим чувство независимости, неизменно оставалась вузовская наука и практика в области педагогики и образования. Со временем она поняла, что теории в этой сфере мало значат без политических решений. У доктора наук с обширнейшими международными связями множество должностей, и ни одну из них нельзя назвать высокооплачиваемой синекурой. Зюсмут является почетным доктором университетов Германии, Болгарии, США и Израиля. Главные девизы Зюсмут – «Образование для всех» и «Учиться пожизненно». Являясь с 1988 г. президентом Немецкого союза народных вузов, она активно проводит в жизнь идею образования для взрослого населения.

Женщины-мигрантки, составляющие около трех процентов мирового населения, – это еще один объект постоянной заботы Риты Зюсмут. Она член Всемирной комиссии ООН по вопросам миграции и председатель экспертного совета по иммиграции и интеграции. В 2002 г. она сочла своей обязанностью возглавить по предложению федерального правительства иммиграционную комиссию – вновь вопреки откровенному недовольству в рядах ХДС. Чувство долга (недоброжелатели видят в нем упрямство и своеволие) Рита Зюсмут, урожденная Кикут, вынесла из отчего дома.

Детство она вспоминает с благодарностью, хотя оно оказалось нелегким. Болезненная мать, тяжелая болезнь брата, постоянная тревога за отца, призванного на фронт; навсегда врезавшиеся в память дымящиеся руины и обугленные трупы после бомбардировок Вупперталя; тяготы послевоенных лет, постоянные хлопоты по хозяйству и заботы о младших братьях и сестрах. Зато в доме было множество музыкальных инструментов, и всегда удавалось выкроить время для семейного общения и музицирования. Отец – педагог, открытый новым веяниям католик, принадлежавший к кругу религиозного философа Романо Гвардини, – открыл ей мир знаний, веры и музыки. В студенческие годы в Париже она отдает предпочтение французской литературе и философии, лично знакомится с нобелевским лауреатом католиком Мориакком и

его антиподом Сартром, читает Маркса, Гегеля и Платона. Отец всегда оставался для нее примером открытой для диалога ангажированности, в том числе в церковной жизни. Не случайно она 12 лет проработала в Центральном комитете немецких католиков и шесть лет вице-президентом Семейного союза немецких католиков.

Если бы ей пришлось подводить предварительный итог собственной жизни, к числу своих достижений она отнесла бы, в первую очередь, женскую политику, в реформировании которой она оказалась первопроходцем. То же можно сказать о миграционной политике. Ее идеалы в политике – Нельсон Мандела и Далай-лама, мужчины, которым присущи традиционные «женские» добродетели: заботливость, участливость, жертвенность. «Проблема в том, чтобы построить мир по законам достойной человека морали, не приспособливая людскую мораль к довольно-таки недостойному человека миру» – под этой ключевой мыслью Кристи Вольф могла бы подписаться и Рита Зюсмут.

Кристиана Нюсляйн-Фольхард

*Ил. 16. Кристиана Нюсляйн-Фольхард
(Christiane Nüsslein-Volhard, 1942).*

В 1995 г. нобелевская премия по медицине была присуждена Кристиане Нюсляйн-Фольхард. Прежде нобелевских лауреаток в науке у Германии не было – да и не только в науке, если не считать нобелевскую лауреатку поэтессу Нелли Сакс, которая после бегства от нацистов жила в Швеции. Биолог Нюсляйн-Фольхард, директор тюбингенского Института биологии развития им. Макса Планка, получила самую престижную в мире премию совместно с двумя американскими учеными за исследования в области генетического управления эмбриональным развитием.

Еще в конце 70-х она и Эрик Вишаус в ходе экспериментов с мухой-дрозофилой доказали наличие некой программы роста живых существ, причем была открыта группа генов, которые в оплодотворенной яйцеклетке управляют построением мушиного организма. Журналисты в шутку окрестили лауреатку «повелительницей мух».

Отец был архитектором, мать воспитательницей в детском саду, четверо их детей выбрали художественную стезю, а пятая, Кристиана, с детства была уверена, что станет естествоиспытателем. Возможно, ее развитием управляли гены деда, известного кардиолога и нефролога, во франкфуртском доме которого семья нашла приют после войны. В университете она сначала занималась биологией, потом увлеклась

Ил. 17.

биохимией, в тьюбингенском Институте вирусных исследований им. Макса Планка работала над докторской диссертацией в области генетики, которую защитила в тридцатилетнем возрасте. Брак с физиком Фолькером Фольхардом распался после десяти лет семейной жизни. Блестяще складывавшаяся научная карьера была увенчана нобелевской премией, которая, как известно, присуждается за исследования, «которые принесли человечеству наибольшую пользу в прошедшем году». Но драматический опыт человечества учит, что казавшееся поначалу полезным впоследствии может быть употреблено во зло. Результаты работы лауреатки выходят за пределы лабораторной науки и дают материал для принципиальных медицинских, этических и религиозных дискуссий. В какой момент начинается человеческая жизнь? По убеждению Нюсляйн-Фольхард, эмбрион обретает полную программу развития только после его закрепления на слизистой оболочке матки: «Программа выполняется только благодаря возникновению этого удивительного и чудесного симбиоза. Гены – еще не все необходимое, чтобы человек стал человеком».

К экспериментам с клонированием она относится скептически, о медицинских опытах над животными отзывается осторожно; существующий в ФРГ запрет на производство эмбриональных стволовых клеток считает тормозом на пути научного развития. Она выступает за смягчение закона о генных технологиях, считая излишние опасения по поводу генной модификации растений необоснованными, и эта ее позиция принимается в штыки экологами.

Зато единодушным одобрением пользуется основанный ею в 2004 г. фонд помощи молодым женским дарованиям в области естественных наук. Наука, как известно, требует полной самоотдачи. Рождение ребенка может затормозить и даже разрушить научную карьеру женщины, тем более что в Германии, в отличие от многих других стран, по-прежнему слишком мало детских садов и школ продленного дня. Фонд выделяет молодым матерям, пишущим или защитившим докторскую диссертацию, средства, которые могут обеспечить уход за детьми.

Редкие часы досуга Кристиана отдает музицированию – она играет на флейте и поет, – а также работе в саду и изобретению оригинальных блюд. Она даже издала кулинарную книгу под названием «Простые рецепты для особых случаев».

Алиция Шварцер

*Ил. 18. Алиция Шварцер
(Alice Schwarzer, 1942)*

«Эмма» и Алиция Шварцер нераздельны более трех десятилетий. За эти годы возникали и уходили в небытие другие издания с женскими именами, а феминистский журнал, не публикующий рекламы и гламурных историй, продолжает существовать. Да, он стал более умеренным и терпимым, и тиражи его, как и большинства других периодических печатных изданий, снизились, но в падении собственного тиража журнал отчасти «виноват» сам: новое поколение женщин, матерям которых «Эмма» помогала бороться за освобождение от патриархальной зависимости под феминистским девизом «Вместе мы сила», обрело уверенность в себе и не столь остро нуждается в опоре и руководстве. Однако Алиция Шварцер не собирается складывать оружие. Ее книги по-прежнему возглавляют списки бестселлеров, телепередачи с ее участием неизменно имеют высокий рейтинг. Шварцер, обладательница Креста за заслуги перед ФРГ на ленте, французского ордена Почетного легиона, в 2005 г. была названа «журналисткой года», в 1997 г. Гражданский женский союз провозгласил ее «женщиной года». Еще в 1987 г., через 10 лет после основания, «Эмма» с ее 80 000 экземпляров являлась самым крупным феминистским изданием Европы.

Журнал стартовал 200-тысячным тиражом под насмешливые и издевательские комментарии. Шварцер не имела ни опыта в издательском бизнесе, ни денег, зато обладала целеустремленной волей и силой убеждения. Ей поверили меценат Ян Реemtсма и психоаналитик Маргарете Митшерлих. Весь тираж разошелся мгновенно, спустя неделю пришлось срочно допечатать еще 100 000 экземпляров. Рекламой послужило исключительно имя издательницы, вызывавшее восхищение у одних и ненависть у других. К этому моменту Шварцер была известна своими выступлениями против §218 об абортах и книгой «Маленькая разница» и ее последствия». Концепция провокационного феминистского издания отвечала потребностям времени. Жены прятали «подстрекательский» журнал от мужей, мужья покупали его тайком. Шварцер, неизменно мечтавшая о «совершенном человеке, для которого

биологический пол перестанет иметь значение», всегда держала жесткий курс на конфронтацию с защитниками тезиса о «генетически обусловленной инакости женщин». В 1978 г. она инициировала судебный процесс против еженедельника «Штерн», поскольку на его обложках женщины изображались «как чисто сексуальные объекты»; несколько лет спустя она начала широкую кампанию против порнографии, в центре которой оказался фотограф Хельмут Ньютон с его многочисленными «ню». Одной из постоянных тем журнала было насилие над женщинами, в том числе в семье; редакционная почта свидетельствует, что «Эмма» стала неофициальной инстанцией, у которой многочисленные жертвы искали защиты. Легализацию проституции в Германии, осложнившую для полиции борьбу против торговли живым товаром, Шварцер считает причиной вовлечения в этот бизнес женщин из восточноевропейских стран – зачастую насильственного, нередко малолетних. Бесправие исламских иммигранток – еще одна горячая тема, постоянно находящаяся в поле зрения журнала.

Ил. 19.

Алиция Шварцер появилась на свет незаконнорожденной. В то время это было равнозначно несмыслаемому клейму не только для матери, но и для ребенка. Она росла в доме любящего деда, хозяина табачной лавочки; бабушка, ненавидевшая нацистов, рано внушила внучке, что несправедливости надо сопротивляться. По окончании торговой школы Алиция работала секретаршей и побочными заработками скопила средства на оплату языковых курсов во Франции. В накаленной атмосфере конца 60-х служила редактором в газете, писала репортажи в сатирический журнал. В 1970 г. ее снова потянуло в Париж, который был очагом студенческого и женского движения. Работая свободным корреспондентом радио и прессы, училась на факультете социологии Венсеннского университета. Книга Симоны Бовуар «Другой пол» стала в ту пору библией женской эмансипации: право женщины на самоопределение, право свободно распоряжаться собственным телом, отрицание «новой женственности». Свои встречи и беседы с Симоной Бовуар Шварцер опишет впоследствии в книге «Диалоги со спутницами». Опубликованные «Нувель обсерватёр» под заголовком «Я сделала аборт» признания 343 женщин раскололи Францию надвое и подвигли Шварцер на организацию подобной акции в Германии. В июне 1971 г. «Шпигель» поместил на своих страницах подготовленный ею репортаж со списком 344 немецких женщин, которые прибегли к аборту и требовали такой возможности для других. Список, в котором значились имена знаменитостей вроде Роми

Шнайдер и Сенты Бергер, стихийно пополнялся теми, кто поддержал гражданскую инициативу журналистки, всколыхнувшую Германию. Однако зародившееся женское движение не привело к созданию солидарной группы, так что некоторое время спустя Шварцер констатировала его гибель, однако «вездесущность феминизма в обществе».

В 1974 г., после того как ее первая книга «Женщины против §218» произвела фурор в Германии, Шварцер покинула Париж и своего друга Бруно, которому за девять лет совместной жизни внушила, что мытье посуды и стирка белья – забота общая. В феврале 1975 г. на западногерманском телевидении состоялся диалог между Алицией Шварцер и врачом и психологом, автором бестселлера «Дрессированный мужчина» Эстер Вилар, которая утверждала, что мужчины являются объектами эксплуатации со стороны женщин. После этого словесного поединка двух блестящих полемисток Шварцер стала известной в самых отдаленных уголках страны. Вышедшая через полгода провокационная книга «Маленькая разница» и ее большие последствия», в которой содержались 17 женских интервью о сексуальных отношениях, являющихся, по мысли автора предисловия, основным полигоном мужского доминирования, вызвала бурную критику. Осенью 1976 г. Шварцер основала женское издательство «Эмма», а позднее стала инициатором и председателем правления феминистского архива и документационного центра в Кельне «FrauenMediaTurm».

В изменившемся постмодернистском мире Алиция Шварцер остается несгибаемой радикальной феминисткой, не приемлющей иных мнений. Работа над женскими биографиями стала для нее личной нишей, позволяющей ускользнуть от натиска времени. Еще в интервью 1987 г. на вопрос о том, кто является для нее образцом, она неожиданно назвала публицистку и издательницу еженедельника «Цайт» графиню Денхоф. В 1996 г. Шварцер опубликовала книгу «Жизнь в сопротивлении», которая документирует процесс сближения двух, казалось бы, совершенно несходных личностей: автор – отверженное дитя из табачной лавки, интервьюируемая выросла под опекой гувернанток в графском замке; одна демонстративна и общительна, другая – патрициански сдержанна; между ними тридцатилетняя разница в возрасте. Однако обе одиноки, бездетны и одержимы работой. Обе возглавляют издания, которые выстроили по собственному разумению, обе питают живой интерес к политике. Денхоф перечисляет женщин-политиков, которые ей импонируют: «В них есть отвага». «Никто не описал меня точнее, чем она», – скажет о книге Шварцер скупая на похвалы Марион Денхоф.

Гезина Шванн

*Ил. 20. Гезина Шванн
(Gesine Schwan, 1943)*

Для нее пенсионный возраст не время для сладостного безделья. Даже уйдя с поста президента Европейского университета Виадрина во Франкфурте-на-Одере, Гезина Шванн продолжает жить его проблемами. А также выполнять нештатные и официальные обязанности по интенсификации немецко-польских связей. Интерес к польским соседям зародился у нее еще в отчем доме. Мать – уроженка Верхней Силезии, и утрата родины часто была темой семейных разговоров. Слушая воспоминания о мирном довоенном сосуществовании поляков и немецкого меньшинства в

провинциальном Люблинце, Гезина еще школьницей знала, что не везде и не всегда отношения между немцами и поляками были безоблачными и что предубеждения против польских соседей по-прежнему живы и в Западной, и в Восточной Германии. Социально ангажированные родители (отец – учитель, мать – социальный работник) в годы нацизма прятали у себя польскую девушку, а после войны активно участвовали в борьбе за международное взаимопонимание.

Берлинская студентка с IQ 174 изучает романистику и историю, ездит по обмену в Варшаву и Краков, чтобы овладеть польским языком, который ей на удивление трудно дается; после переезда во Фрейбург меняет приоритеты (теперь ее интересуют в первую очередь политика, философия и теология), принимает католическое крещение («Католический образ человека казался мне более «закругленным» и менее фиксированным на вине и наказании, чем протестантский») и работает над диссертацией о польском философе Ежи Колаковском. Обращение к образу польского диссидента становится ключевым моментом в развитии Гезины Шнейдер. Протестные акции конца 60-х в Германии сильно проигрывают в ее глазах в сравнении с непреклонным духом польского сопротивления, с крайним польским индивидуализмом, пронизывающим всю общественную жизнь. Молодые выходцы из немецких бюргерских семей, отвергающие авторитарные принципы отцов, которые сформировались под идеологическим влиянием нацизма, демонстрируют тот же авторитаризм в отношении инакомыслящих. Более всего в то время задевало ее нежелание признавать бесчеловечность коммунистической системы наряду с очевидными пороками капитализма.

В 1972 г. Гезина становится членом СДПГ – прежде всего под обаянием восточной политики Вилли Брандта: признание границы по Одере-Нейсе представляется ей первым шагом

к примирению с Польшей. Ее политическая активность находит поддержку у мужа, политолога Александра Швана. Защитив в 1975 г. докторскую по трудам Маркса, она вскоре возглавляет кафедру политических теорий социализма и марксизма в Свободном университете Берлина. В качестве эксперта по проблемам социализма она становится членом комиссии по этике СДПГ и участвует в разработке основополагающих партийных документов. В начале 80-х – неконформистка, не доверяющая восточным режимам, высказывается в пользу принятого Гельмутом Шмидтом решения о размещении в Германии ракет среднего радиуса действия и критикует своего партийного лидера Брандта за «сближение с коммунистами».

Доверие – ключевое слово для Гезины Шван. Доверию на государственном уровне было посвящено одно из недавних ее выступлений в Свободном университете Берлина. По ее мнению, существующий в ФРГ дефицит доверия – основной тормоз на пути развития страны. Причины утраты доверия она видит не только в некомпетентности отдельных личностей, а в «глобальной стирании границ культурного, технического и прежде всего экономического развития, которое становится все менее подвластным ограниченному влиянию национальной государственной политики».

Ил. 21. Европейский университет Виадрина (Франкфурт-на-Одре, Германия).

Тем более ценной для общества становится уверенность во взаимной надежности его членов. Личности и институты могут завоевать доверие к себе только честностью, смелостью, компетентностью и справедливостью.

Делу укрепления доверия между народами служит и Европейский университет Виадрина ([Europa-Universität Viadrina Frankfurt](http://www.europa-universitaet-viadrina.de)), которым Шван руководила в течение девяти лет.

Ил. 22. Европейский университет Виадрина.

Alma mater Viadrina в первый же год своего существования, 1506, приняла 900 студентов из Германии, Польши, Дании, Норвегии и Швеции. Здесь учились Томас Мюнцер, Вильгельм и Александр Гумбольдты, Карл Филипп Иммануил Бах, Генрих Клейст. Виадрина закрылась в 1911 г.: ее профессора и студенты переселились в Берлин, в университет, который будет впоследствии носить имя Гумбольдта. Новое открытие самого

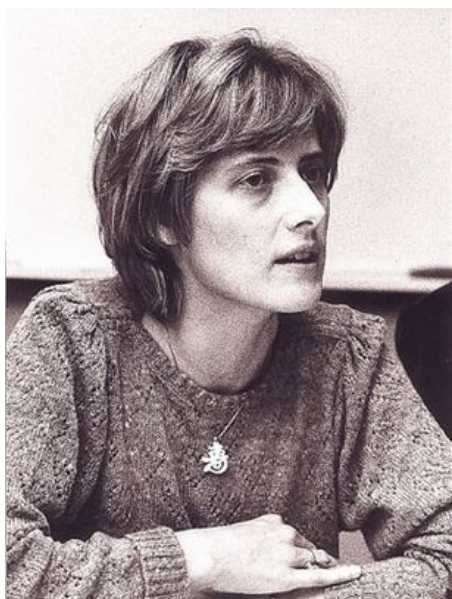
восточного университета Германии состоялось в 1992 г., а в 1999 г. Шван стала его президентом. В 2008 г. в Виадрине насчитывалось свыше 5000 студентов, из них 70% немцев, 20% поляков, а также молодежь из 76 стран. Чтобы решить злободневную проблему финансирования, Шван добилась воплощения своей давней идеи, заимствованной в США, где она неоднократно бывала и работала: университет стал фондом и содержится на частные пожертвования. Совместно с президентом берлинского университета им. Гумбольдта Юргеном Млинеком Гезина Шван осуществила еще один проект, вызвавший споры и упреки в элитарности. В 2003 г. была основана Humboldt-Viadrina School of Governance, финансируемая частными субвенциями двухгодичная школа управления, платное обучение в которой обходится минимум в 17 000 евро (студенты с отличным вузовским дипломом и некоторым опытом работы по профессии могут рассчитывать на стипендию). Преподают здесь профессора обоих университетов и лучшие зарубежные специалисты. Теперь Германия может сама готовить менеджеров высшего звена, способных решать задачи перестройки социального государства, профессионализации административного аппарата и расширения общественного сектора, которые стоят перед всей Европой.

Политическая и человеческая ангажированность Гезины Шван была отмечена многими наградами, в числе которых премия им. Марион Денхоф за вклад в обеспечение взаимопонимания между народами и орден Св. Станислава за заслуги перед Польшей.

В личной жизни Гезине Шван пришлось пройти через многие испытания. Мучительно переживавшийся в подростковые годы развод родителей, тяжелое и длительное психическое заболевание матери, многолетняя борьба мужа с онкологической болезнью, из-за которой супруги не могли иметь своих детей, зато вырастили двоих приемных. После тринадцатилетнего вдовства она вновь вышла замуж за юриста Петера Айгена, своего соседа, которому в свое время помогала ухаживать за больной раком женой. Терпение и силы она черпала в вере,

означающей для нее «некую способность души, которую невозможно вызвать в себе искусственно и использовать по назначению, скачок из гносеологии в неведомое». «Я полагаюсь на то, что Бог есть и что его Творение имеет смысл, – пишет Шван, – я хочу, чтобы это было так – и неважно, считаю ли я это истиной в эмпирическом смысле».

Петра Келли (Petra Kelly, 1947–1992)

*Ил. 23. Петра Келли
(Petra Kelly, 1947–1992)*

В октябре 1992 г. Германию потрясла весть о предполагаемом двойном самоубийстве Петры Келли и ее друга, генерала Герта Бастиана. Согласно выводам следствия, генерал застрелил спящую женщину из принадлежащего ему оружия, затем покончил с собой. Очень многие не хотели верить в версию полиции, подозревая в преступлении атомное лобби или китайские спецслужбы. Алиция Шварцер, которая, подобно опытному криминалисту, провела собственное расследование, в своей книге «Смертельная любовь» настаивает на том, что Келли не намеревалась уйти из жизни, и поэтому речь должна идти об убийстве и самоубийстве. При этом феминистка отдает должное Бастиану, который годился подруге в отцы и дарил ей

чувство защищенности.

Петре Леман было семь, когда ее отец ушел из семьи. Матери пришлось устроиться на работу, поручив ребенка заботам бабушки. Когда мать вышла замуж за американского офицера Джона Келли и семья уехала в Штаты, жизнь подростка радикально переменилась. Петра легко вошла в новую среду, блестяще окончила школу, получила степень бакалавра в вашингтонском Американском университете. Болезненно чувствительная к любой несправедливости, она становится одним из лидеров протестного студенческого движения; в 1968 г. работает в канцелярии сенаторов Роберта Кеннеди и Хьюберта Хамфри, издалека следит за студенческими волнениями в Европе. Получив стипендию в Амстердамском университете, изучает политологию и проблемы европейской интеграции, работает параллельно в Институте Европы. Ее карьера резко идет вверх. С 1972 по 1982 год она работает в Еврокомиссии в Брюсселе, занимаясь на ответственном посту вопросами социального обеспечения, здравоохранения и охраны окружающей среды. Знание европейской политической кухни изнутри дает ей возможность одновременно участвовать в руководящих органах различных гражданских

инициатив и организаций Германии, посвятивших себя защите мира и окружающей среды. Келли оказывает поддержку ненасильственным движениям в защиту мира, прав женщин и экологии в США, Японии и Австралии. Мучительная смерть от рака ее младшей сестры Грейс приводит Келли в ряды антиядерного движения. Она ездит по свету, собирая материалы о последствиях ядерных испытаний у аборигенов в Австралии, в индейских резервациях, где производится добыча урана, в южных акваториях Тихого океана, где проходят испытания французского атомного оружия. Она участвует в изматывающих блокадах АЭС и захоронений ядерных отходов.

Петра Келли заговорила о нарушении прав человека в Тибете задолго до того, как этой проблемой заинтересовалась мировая общественность. Импульсом и на сей раз послужили личные мотивы. Взяв под свое попечительство семью тибетских беженцев, она не ограничилась материальной помощью и углубилась в изучение великодержавной политики Китая в Тибете, культуры и истории региона. Ее жизненным девизом стало изречение из «Книги мертвых»: «Живи так, как если бы тебе пришлось сегодня умереть; умри, как если бы ты был бессмертным». Она читает Махатму Ганди и Мартина Лютера Кинга, все больше укрепляясь в своих политических убеждениях, основанных на идее ненасильственного сопротивления. В ее глазах законны любые акции гражданского неповиновения, сопряженные с отказом от насилия и готовностью рисковать собственной жизнью. И она рискует – во всяком случае, свободой, – нелегально доставляя в ГДР литературу и технические средства для поддержки подпольного движения «Мечи на орала». Путем организации телеграммных и телефонных кампаний ей даже удается добиться освобождения некоторых политзаключенных. К деятельности Келли привлечено внимание СМИ, она пользуется уважением за пределами левоальтернативной сцены; она является кумиром идеалистически настроенной молодежи.

В 1980 г. Келли становится одним из основателей Партии зеленых – «антипартийной партии», программа которой провозглашала четыре базисных принципа: ненасилие, экология, социальная справедливость и основы демократии. Массовая демонстрация против ядерных вооружений, собравшая в 1981 г. в Бонне 400 000 человек, заявила о еще одном приоритете «зеленых». В 1982 г. Петре Келли была присуждена альтернативная нобелевская премия, год спустя американские женские организации избрали ее «женщиной года». Приглашение выступить на американском телевидении в программе Meet the Press стало еще одним свидетельством ее признания за рубежом. Вступление «зеленых» в парламент в 1983 г. было во многом заслугой Келли. Почти миссионерский пыл и самодисциплина позволяют ей работать по 12–14 часов в сутки, несмотря на слабое здоровье и хрупкую конституцию. Первое выступление Келли в бундестаге политические противники из ХДС и ХСС 18 раз пытались заглушить аплодисментами, но ее трудно сбить с толку. Ей всякий раз удается выдвигать на повестку дня

волнующие ее темы вплоть до положения аборигенов, необходимости признания альтернативной медицины или опасности, которую представляют автомобильные выхлопы. Она сотрудничает с внепарламентскими группами, международными организациями в защиту мира и прав человека, участвует в сидячих блокадах немецких АЭС. Петра Келли превращается в символ гражданского сопротивления. К сожалению, в собственной фракции и партии, состоящей из группировок, представляющих разнообразные интересы и не объединенных строгим дисциплинарным регламентом, самозабвенную идеалистку начинают считать – и не без оснований – слишком бескомпромиссной и не способной работать в команде. Все непримиримей становятся столкновения «фундаменталистов» с «реалистами», которые в открытую заявляют, что мечтам не место в правительственных коридорах. Келли все чаще приходится вести борьбу в одиночку, хотя ее образ активно эксплуатируется партией во время предвыборных кампаний.

Ил. 24. Герд Бастиан и Петра Келли.

Келли и Бастиан впервые встретились в 1980 г. во время одной из общественных дискуссий.

Ему 58 лет, ей – 33, у них общая цель – борьба за мир и разоружение – и конфликты в собственном окружении. Бастиан – один из шести европейских генералов НАТО, выступивших против размещения ракет среднего радиуса действия в Европе. После публичного спора с министром обороны Бастиан вынужден

подать в отставку. И он, и Келли принадлежат к числу подписавших Крефельдское воззвание, которое требовало одностороннего разоружения Запада. Келли критикует свою партию за то, что интересы власти волнуют ее больше, нежели тревоги людей. В 1985 г. Келли с несколькими правозащитниками проводит акцию по захвату посольства ФРГ в Претории в знак протеста против игнорирования федеральными властями проявлений расовой дискриминации и апартеида. В 1987 г. она едет в Москву, где Михаил Горбачев устраивает прием для участниц всемирного женского конгресса; ее сопровождает Бастиан, с которым они практически неразлучны. Экс-генерал давно женат, но она научилась принимать это как данность. Она называет его «соратником своей души» и чувствует себя «с Гертом в симбиозе». Вместе они издали имевшую большой резонанс книгу «Тибет – страна, ставшая жертвой насилия. Сообщения с Крыши мира»; Келли удается добиться парламентских слушаний по поводу Тибета и расстрела мирной демонстрации в Пекине в 1989 году. Келли и Бастиан действуют как слаженная команда. При его поддержке она тщательно готовит свои акции протеста, идет ли

речь об Афганистане, Никарагуа, положении турецких курдов или, что гораздо более рискованно, об экспорте немецкого оружия, поставках в Ирак компонентов для производства ядовитых газов и политике «открытой чековой книжки» в отношении Израиля. Задолго до глобального финансового кризиса Келли первой заговорила о роли Всемирного банка и всевластии американских биржевиков; она поднимала проблему ограниченности природных ресурсов. Ее информированность все больше раздражает менее подготовленных парламентариев, ее харизма и визионерство больше не нужны. Окончательный разрыв с партией «зеленых» в апреле 1991 г. обернулся для Петры Келли психофизической травмой. Теперь она больше чем когда бы то ни было зависима от своего партнера. «Если не будет Герта, я тоже не хочу существовать», – говорила она друзьям. Бастиан заменил ей покинувшего ее в детстве отца.

В трудное для нее время Келли продолжает строить планы на будущее, оценивает перспективы миротворческой и экологической работы в Восточной Европе, в феврале 1992 г. становится ведущей экологической программы на телевидении. Теперь никому не суждено узнать, что стало причиной роковых выстрелов, прозвучавших осенней ночью 1992 года. В одном из барселонских парков стоит памятник Петре Келли с надписью на каталанском: «Нет путей к миру, мир – вот единственный путь».

В 2006 г. часть Франц-Йозеф Штраус-аллее в правительственном квартале Бонна была переименована в Петра Келли-аллее.

Ангела Меркель (Angela Merkel, 1954)

Жила-была примерная девочка Ангела. Росла она в маленькой деревне, среди цветущей

*Ил. 25. Ангела Меркель
(Angela Merkel, 1954)*

природы; по воскресеньям слушала в церкви проповеди своего отца. Она не любила бегать и играть, зато много читала. В школе она сразу же стала отличницей, только физкультура, рисование и рукоделие давались ей с трудом, но она очень старалась, потому что хотела стать учительницей. Она не задавалась перед сверстниками и с удовольствием помогала отстающим. В мечтах она видела себя стоящей перед классом, который внимательно ее слушает. Теперь она стоит перед целым миром в окружении телекамер и микрофонов; с 2006 г. «серая мышка с Востока» возглавляет, по мнению журнала «Форбс», список самых могущественных женщин мира. Это ли не сказка?

Мать Ангелы, уроженка Гамбурга, познакомилась с ее будущим отцом, когда студент из Восточного Берлина изучал теологию в ее родном городе. Получив место пастора в бранденбургской деревне, он увез жену с маленькой дочерью из шумного города в сельскую идиллию. Учительнице английского и латыни переезд не сулил ничего хорошего. Священники в ГДР считались пережитком капитализма и были обречены на маргинальное существование; их жены не имели права работать в школе, а детей не принимали в вузы. Однако ее муж оказался не простым священником, и карьера его пошла в гору. То ли из оппортунизма, то ли по убеждению, что христианство не противоречит социализму, он идет на контакт с государством и его руководящей партией. Привилегии, которыми пользуется «красный Каснер», вызывают недоверие, а то и зависть в оппозиционных церковных кругах: у Каснеров два автомобиля, личный и служебный; они принимают гостей из Западной Германии и могут ездить за границу, даже в США; они получают посылки с Запада, причем недосмотренными. Для Ангелы красивая одежда, которой ее снабжает гамбургская бабушка, не имеет никакого значения. Круглая отличница, она блистает школьными успехами, особенно по естественнонаучным предметам, математике и русскому. Кое-кто из учителей не слишком жалуется пасторскую дочку, и это ее обижает. Ей хочется быть как все – и она пионерка, потом комсомолка. Ей удается держать шпагат между требованиями церкви и атеистического государства именно потому, что она не слишком религиозна и не проникнута государственной идеологией. Она читает запрещенную в ГДР литературу из отцовской библиотеки – Баро, Сахарова, Солженицына.

К выбору будущей профессии студентка Лейпцигского университета подходит прагматично: главное, чтобы подальше от идеологии. Физика, особенно теоретическая, ей вполне подходит. Она получает стипендию, подрабатывает в студенческом клубе. В протестантской студенческой общине находит себе мужа, Ульриха Меркеля, тоже будущего физика. Она очень близка с младшими сестрой и братом и особенно с матерью, но доверительных отношений с отцом избегает. Если до возведения берлинской стены пастор Каснер ратовал за единство евангельской церкви на Западе и Востоке, чтобы обеспечить себе тылы в Гамбурге, то после 1961 г. стал работать на подчинение церкви влиянию СЕПГ, способствуя тем самым расколу протестантской церкви Германии. Его дочь не любит упоминать о нем в кругу своих друзей, критически настроенных интеллектуалов.

По окончании университетского курса Ангела Меркель находит себе место научного сотрудника в академическом Институте физической химии; она единственная женщина в исследовательской группе из восьми человек. Брак ее к тому времени распался, и она располагает свободным временем для приобщения к культурной жизни Берлина. В пору работы в Академии наук она является секретарем по агитации и пропаганде институтской организации ССНМ. Этот сомнительный пункт своей биографии она позже станет обозначать термином

«культурная работа». Впрочем, в документах госбезопасности зафиксированы ее критическое отношение к государственной политике и сочувственное к польской «Солидарности». «Я не была героиней, я приспособливалась», – говорит Ангела Меркель о том времени. Она работает над докторской диссертацией. В 1984 г. она знакомится со своим нынешним мужем, химиком Иоахимом Зауэром, тоже из числа критиков существующей системы. Отец двух сыновей, он пока еще женат.

Ил. 26.

После падения берлинской стены Ангела Меркель вступает в новообразованную партию Демократического прорыва, ориентированную на рыночную экономику и объединение Германии. Ей не везет: ее шефа Вольфганга Шнура разоблачают как агента Штази и ей приходится в качестве пресс-секретаря отвечать на неудобные вопросы журналистов. Невезение оборачивается удачей: на нее обращает внимание Лотар де Мезьер, главный кандидат ХДС, в который влился бесполезный теперь Демократический прорыв, на первых свободных выборах в Народную палату. Де Мезьер приводит ее в первое и последнее свободно избранное правительство ГДР. Так Ангела Меркель нехотя оказалась в ХДС, хотя друзья видели ее в рядах «зеленых».

В качестве заместителя представителя правительства ей приходится участвовать в подготовке предварительных переговоров по объединению Германии. Парламентскому госсекретарю ГДР Гюнтеру Краузе импонируют деловые качества Меркель, и он дает ей возможность баллотироваться в бундестаг, куда она и проходит по прямому мандату. На «объединительном съезде» ХДС ее замечает канцлер Коль, который после бесед с ней предлагает ей пост министра по делам женщин и молодежи. Она без колебаний соглашается, хотя бывшей гражданке ГДР, не имевшей проблем с социализацией, женское министерство кажется излишним. С этого момента Ангелу Меркель считают «девушкой Коля». Однако девушка с домодельной стрижкой отнюдь не так безобидна, как кажется; время покажет, что она не считает себя марионеткой канцлера. В отличие от иных политиков из бывшей ГДР, у нее незапятнанная биография. Активная и гибкая, она удачно оказывается в нужном месте в нужное время. И это не подарки судьбы, а результат целеустремленной работы в тех областях, о которых она прежде не имела понятия. Она все увереннее чувствует себя на боннском паркете,

но не спешит менять свою внешность. Журналисты будут долго потешаться над неумелой прической и унылыми брючными костюмами, Карл Лагерфельд посоветует ей изменить покрой брюк. Однако ее природный облик, по-видимому, отвечает ее личности и характеру. Со временем она немного подправит собственный имидж, научится пользоваться косметикой, а однажды даже поразит публику Новой оперы в Осло невероятным декольте.

После парламентских выборов 1994 года Ангеле Меркель достается в результате внутрипартийной рокировки министерство окружающей среды, защиты природы и безопасности ядерных реакторов. На этом посту, отвечающем ее интересам и научной подготовке, она впервые проявляет властность и твердость. На международном уровне она добивается принятия протокола об ограничении выброса парниковых газов; она принимает закон о защите озонового слоя и соглашение по снижению выброса угарных газов. Поражение ХДС на выборах 1998 г. привело к уходу Гельмута Коля с поста председателя партии; он становится почетным председателем, а «вечный кронпринц» Шойбле, ставший председателем, выдвигает с одобрения Коля Ангелу Меркель на должность генерального секретаря. Во время разразившегося вскоре скандала с пожертвованиями в фонд партии «незапятнанная Меркель» публично критикует своего «крестного отца» и возмущенно требует его ухода с почетного поста. После отставки Коля и Шойбле ей остается лишь сыграть роль спасительницы, взяв на себя руководство партией. Последующие годы докажут, что «девушка Коля» превратилась в мастера политической игры, умеющего в нужный момент идти на уступки и очень жестко обходиться с конкурентами. Ангела Меркель подтвердит характеристику, которую когда-то дал ей Коль: «Она чрезвычайно умная женщина, которая к тому же получает удовольствие от политики. Она обладает политическим мышлением, необходимой твердостью, честолюбием и дальновидностью». В ноябре 2005 г. она стала первой женщиной и самым молодым политиком на посту канцлера ФРГ.

Деловой стиль руководства, простой и доступный язык, точность, с которой она формулирует свои требования, нравятся избирателям. Правда, она не всегда проявляет последовательность в осуществлении этих требований, ей хочется угодить многим сразу. Тем не менее, с помощью своего заместителя социал-демократа Штайнмайера она проводит в жизнь ряд непопулярных решений, которые способствуют экономической стабилизации. Однако осенью 2008 г. финансовый кризис настигает Германию. Денежные вливания в банковский сектор многими были встречены критически, тем более что в казне не хватает средств на санирование и инновации, а особенно на давно назревшую реформу системы образования. Ведь Меркель сама назвала политику в области образования приоритетным направлением развития страны. На всемирном экономическом форуме в Давосе Меркель выступила с предложением принятия мировой экономической хартии, то есть создания некоего мирового совета по

экономике, в ведении которого находились бы проблемы изменения климата, борьба с бедностью, открытое мировое хозяйство и создание эффективных структур мировой финансовой системы. К сожалению, ее инициатива по построению социально ответственной рыночной экономики в мировом масштабе показалась присутствующим неосуществимой. Международный резонанс имела в 2009 г. ее критика в адрес Папы, вернувшего в лоно церкви епископа-рenegата, который к тому же отрицал факт холокоста. Одни сочли, что протестантке не пристало порицать главу католической церкви, другие нашли это выступление уместным и необходимым. Меркель придает большое значение дружеским отношениям с Израилем и настаивает на существовании исторической ответственности Германии перед еврейским государством. Вполне понятно, что ей не нравится, когда Папа-немец подвергает эти отношения испытаниям на прочность.

Свободное время Ангела Меркель проводит в местах, где прошло ее детство. Она читает книги, стоит у плиты, принимает гостей. В часы прогулок она с болью отмечает, как оскудела некогда цветущая природа. Только сказкам уготован счастливый конец, а жизнь предпочитает знак вопроса.

Сведения об использованных иллюстрациях:

Иллюстрация содержания. Флаг Германии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://200stran.ru/flags_country58.html (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.amazon.co.uk/Frauen-setzen-Akzente-Bundesrepublik-ebook/dp/B004OL2IJ2> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 2. Ханна Аренд (Hannah Arendt, 1906–1975). // Irma Hildebrantl. Frauen setzen Akzente. Prägende Gestalten der Bundesrepublik. - Diederichs Verlag, 2009. – 256 с., 19,2 x 13,4 x 2,4 см. – ISBN 978-3424350036.

Ил. 4. Мартин Хайдеггер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.sevpsiport.com/kalendar/151-2009-11-09-07-02-37> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 5 Карл Теодор Ясперс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.nzz.ch/images/karl_jaspers_fullSize_1.12632456.1316843591.jpg (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 6. Хильда Домин (*Hilde Domin, 1909–2006*). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.onlinekunst.de/julizwei/domin_hilde_fischerverlage.jpg (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 7. Лора Лоренц (*Lore Lorentz, 1920–1994*). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://kulturkenner.de/static_pages/kay-und-lore-lorentz (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Lore_Lorentz (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 9. Кай и Лора Лоренц. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.historikerbuero.de/indextexte/Kommoedchen.htm> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 10. Хильдегард Хамм-Брюхер (Hildegard Hamm-Brücher, 1921). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.moscau.diplo.de/contentblob> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 11. Доротея Зеле (Dorothee Sölle, 1929–2003). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://lifeondoverbeach.wordpress.com/2011/07/21/dorothee-solle-on-why-we-are-afraid-of-religion/> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 12. . Ульрика Майнхоф (Ulrike Meinhof, 1934–1976). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://planetoftheapes.tumblr.com/post/536278641/ulrike-meinhof> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 13. RAF. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://mirotvorce.blogspot.com/2010_04_22_archive.html (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.machopan.com/rauchzeichen/?p=601> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 15. Рита Зюсмут (Rita Süßmuth, 1937). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.clubofbudapest.org/p-amb-suessmuth.php> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 16. Кристиана Нюсляйн-Фольхард (Christiane Nüsslein-Volhard, 1942). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.eb.tuebingen.mpg.de/departments/3-genetics/christiane-nusslein-volhard/> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://tuebingen.mpg.de/en/news-press/press-releases/detail/biologist-from-tuebingen-has-been-elected-into-the-french-academy-of-sciences.html> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 18. Алиция Шварцер (Alice Schwarzer, 1942). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.allmystery.de/themen/fs60967-45> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.aliceschwarzer.de/mediathek/bilder/portraits/#typo3temp/pics/d6e1b1a44f.jpg> (дата обращения 29.11.2011).

Ил 20. Гезина Шванн (Gesine Schwan, 1943). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://library.fes.de/library/netzquelle/zwangsmigration/en-index.html> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 21. Европейский университет Виадрина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4632173,00.html> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 22. Европейский университет Виадрины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Европейский_Университет_Виадрины (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 23. Петра Келли (Petra Kelly, 1947–1992). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.rightlivelihood.org/kelly.html> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 24. Герд Бастиан и Петра Келли. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.monstersandcritics.de/artikel/200922/article_139661.php (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 25. Ангела Меркель (Angela Merkel, 1954). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.trud.ru/userfiles/userfile/03c-5%283%29.jpg> (дата обращения 29.11.2011).

Ил. 26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.bischkek.diplo.de/Vertretung/bischkek/ru/Kultur_und_Bildung/Mauerfall_Plakata_usstellung__Seite.html (дата обращения 29.11.2011).

Источник: *Культура в современном мире.* — 2011. — № 5-6. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>